

А.А.Раскина

Хочу поделиться моим окном

Лида была моей близкой подругой. Этим летом меня рядом с ней не было. Я её не хоронила. Осознать полностью, что её нет – пока не могу. И не могу пока писать воспоминания, что называется, личного характера. Не готова. Писать о Лидиных лингвистических работах, в академическом жанре, тоже не готова: ни одной её работы (как, впрочем, и ни одной своей) у меня с собой в Америке нет, всё в Москве, – да и другие напишут не хуже, да что там! – гораздо лучше, чем я.

А вот могла бы я написать, мне кажется, нечто среднее: о Лиде как лингвисте в жизни. Дело в том, что хороших и даже очень хороших лингвистов не так уж мало, а вот людей, которые лингвистикой живут и воспринимают мир через призму лингвистики, много меньше. Это свойство хорошо описал Жолковский в своём знаменитом когда-то самиздатовском справочнике (не знаю, может, он уже и опубликовал его теперь – чем чёрт не шутит!) «Who is Who in Mathematical Linguistics» (цитирую по памяти): «Зализняк – человек, который под любовью к женщинам скрывает свою любовь к лингвистике. Пример: Смотри, какие у неё роскошные плечи! Кстати, а как ты думаешь, надо говорить: *плечей* или *плеч?*»

Но вернёмся к Лиде. Лида очень любила Пастернака. Ну что ж, многие любят Пастернака. Но многие ли постоянно возят с собой и даже в транспорте внимательно читают и перечитывают маленький томик, делая на полях карандашом пометки, выделяя интересные употребления редких грамматических форм? Думаю, что нет. Думаю также, что немногие обращали внимание на эти формы, единицы отслеживали это явление, а свела все эти наблюдения воедино, построила концепцию и опубликовала статью – одна Лида.

Многие, и не только лингвисты, осознают и отмечают, что определённым людям свойственны определённые словечки и выражения. Я, скажем, тоже из их числа. Но мне никогда не пришло бы в голову систематизировать своих близких по этому принципу. А Лида всех нас исследовала с точки зрения наших личностных языковых характеристик – и опять же, вот что важно, не «взгляд и нечто», не просто поболтать за чаем, но довела это исследование до статьи, до публикации, – а каждый из нас знает, какой это длинный и тяжёлый путь. И вот мне подарен сборник, где напечатана эта статья, и я со сложным чувством обнаруживаю, что я как бы и не я, а некая лингвистка Р., которая отличается от других людей тем, что к месту и не к месту повторяет загадочную формулировку «что бы это ни значило», а цитату из «Евгения Онегина» «Не всякий вас, как я, поймёт» употребляет совершенно не в том смысле, какой имели в виду Пушкин с Онегиным. Ну что ж, могла быть и хуже моя личностная языковая характеристика.

И, конечно, работая почти всю свою жизнь в информатике, Лида оставалась и тут лингвистом. Это не трюизм. Поясню свою мысль. Это вообще большая тема – лингвисты в информатике. Я считаю, что тут ситуация сходная с тем, как в тяжёлые для поэзии времена поэты уходили в переводчики, что сильно подняло качество поэтического перевода. Для поэзии же это была потеря. Как и всякая аналогия, эта аналогия не полная, но что касается Лиды – тут, мне кажется, она работает. От того, что Лида служила в информационном институте, информатика выиграла, а лингвистика потеряла. Но так же, как и с поэтами – одни перестали писать свои стихи и целиком ушли в переводы, а другие переводили, но при этом продолжали писать своё, так и лингвисты – некоторые из работающих в информационных институтах переквалифицировались в программисты, некоторые «освоили смежные профессии», кое-кто занялся чисто редакторской деятельностью, но многие старались либо в полной мере на работе использовать свою лингвистическую квалификацию, либо на работе делать то и так, как от тебя требовалось, – пусть и очень далёкие от лингвистики вещи – но продолжать одновременно в выходные дни и по вечерам свои лингвистические штудии. Каждая по отдельности из этих задач

была трудновыполнимой. Лиде удавалось и то, и другое. Но сколько на это уходило сил и нервов! Ведь для того, чтобы справиться со второй задачей, надо было не терять лингвистической среды, встречаться с коллегами, ходить на семинары – в рабочее время. А информационные институты – и отнюдь не только режимные – относились (относятся и сейчас?) к этому очень ревниво. Я помню, как Лида говорила мне, почти плача, – это было в начале 70-х, когда она ещё жила одна с маленькой Валерой, – «Ты представляешь, не отпустили меня на семинар Зализняка! А я уверена, что если б я сказала, что мне необходимо пойти на свидание, пожалели бы одинокую мать и отпустили. А вот на семинар лингвистический, в университет – ни за что!»

Короче говоря, чтобы остаться лингвистом в такой ситуации, надо было преодолеть сильнейшее сопротивление материала. И Лида преодолела. Одна из немногих.

Как на работе, так и вне её, внушительная часть эпизодов, связанных у меня с Лидой, так или иначе, имеет лингвистическую окраску. Некоторые забавны, некоторые – поучительны. Кое-что попробую рассказать.

К периоду нашей с Лидой работы в ВИНТИ относится следующее приключение, опять же, лингвистического характера. Лида пришла ко мне в сектор, где, кроме меня, были одни геологи. Разговорились (это был обеденный перерыв!) на лингвистическую тему: кто с кем на «ты», кто на «вы», и почему. Вспомнили песню Окуджавы «Зачем мы перешли на ты?» Привожу строфу, из-за которой разгорелся спор:

Зачем мы перешли на ты?
За это нам и перепало
На грош любви и простоты
А что-то важное пропало.

Вдруг, к нашему с Лидой удивлению, выяснилось, что все остальные понимают слово «перепало» не так, как мы с ней. Мы понимали так: ну, перешли на «ты» и что получили? Малость какая-то перепала, как крошки со стола; а именно, на грош любви и простоты. А что-то важное пропало. Остальные понимали слово «перепало» как синоним слова «попало» в смысле «ему за это попало, его наказали». Получалось так: перешли на «ты» и были за это наказаны. А именно: что они теперь имеют? На грош любви и простоты. И всё. А что-то важное пропало. Чувствуете разницу?

Мы с Лидой такого значения слова «перепало» не знали, мои друзья старшего поколения, сидевшие в лагерях в конце 40-ых годов, говорят, что узнали его только в лагере. Мы готовы были согласиться, что оно существует, но отрицали, что Окуджава мог его иметь в виду. Но наши оппоненты отрицали, что у слова «перепало» вообще может быть значение, которое мы ему придавали! Это нас убило! Но мы не могли их убедить – не хватало авторитета. Я говорю: «Прямо хоть звони Окуджаве!» Тут Лида говорит: «А что, можно позвонить, у меня записан телефон. Я как-то ездила в Грузию и привезла ему фрукты от его друга, поэта Цыбулевского. А этот Цыбулевский, он и наш друг. И он просил меня завезти их Окуджаве. И я завозила.» – «И видела Окуджаву?» – «Видела.» – «И разговаривала с ним?» – «Да.» Все посмотрели на Лиду с завистью. – «Ну что ж, звони.» Вынимает Лида книжку, берёт трубку, набирает несколько цифр – и вдруг кладёт трубку. «Нет, – говорит, – не могу я! Что я ему скажу? С вами говорит Кнорина, которая вам три года назад фрукты привозила? Нет, невозможно.» И просто так сказать – знаете, мы тут на работе поспорили, – звонить, будучи незнакомыми – невозможно. Значит надо что-то придумать, кем-то представиться, что-то на ходу нафантазировать. Но вот тут Лида не шла ни на какие компромиссы. Она органически не могла и не умела говорить неправду. Даже, казалось бы, безобидную. На этот счёт у неё была целая философия. Вернусь к этому разговору, когда закончу сюжет про Окуджаву. В общем, я тоже, нельзя сказать, чтобы была такая уж лживая, но я считала, что мы с Лидой не должны отступать и обязаны доказать свою правоту. «Давай, – говорю, – телефон!» Звоню, руки дрожат, и сама не знаю, что буду говорить. И вот

щелчок, и знакомый, плёночно-пластиночный голос говорит: «Я слушаю.» – «Булат Шалвович?» – «Да.»

Дальше пошел такой разговор:

– Здравствуйте, моя фамилия Раскина (чистая правда! – А.Р.). Я работаю в Институте Русского языка (но ведь могла бы – А.Р.). Мы работаем над «Словарём новых слов и значений» (Есть такой словарь! – А.Р.) на материале произведений советских писателей. Есть среди них и ваши произведения. И вот тут у нас с товарищами вышел спор по поводу одного из них. Можно задать вам вопрос?

– Да, пожалуйста.

– Вы помните вашу песню «Зачем мы перешли на ты?»

– Д-да, помню.

Тут я должна сказать, что для чистоты эксперимента мы решили не рассказывать ему про разные значения, а спросить, как он расставляет в этой строфе знаки препинания. Если мы с Лидой правы, то после «перепало» никакого знака препинания нет, а если геологи, то какой-то знак препинания должен быть, скорее всего двоеточие. И вот я говорю:

– Вы не могли бы сказать, как у вас в первой строфе расставлены знаки препинания?

И вдруг я чувствую, что он там, на другом конце провода, внутренне заметался. Он говорит:

– Вы знаете, мне нужно черновики для этого смотреть, а они у меня на антресолях. А я, вообще-то, болен.

Тут я прихожу в ужас. Человек болен, а мы ему голову морочим. «Извините, ради бога, – лепечу я. – Я в другой раз позвоню...» Но тут он берёт себя в руки и говорит: «Ладно, давайте попробуем!» – (Лида считала, что он потому разволновался, что у него был комплекс: вдруг он, хотя и носитель русского языка, но всё-таки грузин и чего-то не знает в русском правописании. Версия эта получила некоторое подтверждение: мы прочитали через несколько лет автобиографические рассказы Окуджавы, и там есть примерно такой сюжет, с комплексом лирического героя, учителя в сельской школе, именно по поводу знаков препинания.)

– Значит, так, – говорит Окуджава. Зачем мы перешли на «ты» (пауза). Вопросительный знак! За это нам и перепало на грош (Ура! Нет знака препинания! – А.Р.) любви и простоты... Запятая! А что-то важное пропало. Точка!

– Спасибо вам огромное, Булат Шалвович, – тороплюсь я. – Всего вам хорошего! Выздоровливайте!

– Нет-нет, погодите! А в чём же был спор?

Я объяснила. И вдруг Окуджава говорит: «А вы знаете, ведь можно и так понять.» Я говорю: «Позвольте, Булат Шалвович! То есть как это, «можно и так понять»? Вы-то, автор, сами как понимаете?» Он говорит: «Видите ли, эта песня не всерьёз. Она ироническая. А вот в фильме о Чехове «Сюжет для небольшого рассказа» (или «Цветы запоздалые» – не помню – А.Р.) её поют у камина как такой жестокий романс, совершенно всерьёз, бог весть что получается. Вот это, второе значение слова «перепало» оно такого низкого, что ли, штиля. Так пусть лучше будет снижение стиля, чем таким высоким штилем, как в фильме.»

Вот тебе и раз. Не помню, как попрощалась, повесила трубку. Уф. Всё. Стали обсуждать. Я была расстроена, что не получилось такого полного нашего с Лидой торжества. А Лида – нет. Она сказала, что Зализняк, который учил их санскриту, и они читали «Махабхарату» в подлиннике, рассказывал им, что древнеиндийские поэты и мудрецы считали, что чем больше значений можно придать поэтической строке, тем больше заслуги поэту. И у них на курсе был такой спорт: найти как можно больше значений каждой фразы из «Махабхараты». И раз Окуджава хочет, чтоб его строку можно было понять и так, и этак, значит, он и есть истинный поэт.

Недавно я рассказала эту историю своей дочке Анюте, которая очень любила Лиду и ценила песни, которые Лида сама сочиняла. И Анюта

вспомнила, как Лида с удивлением рассказывала, что все воспринимают её песню:

Что вы сидите трусливо и слепо,
Зная, что здесь оставаться нелепо,

однозначно, как песню об эмиграции. А песня-то, на самом деле, про любовь, и написана до всяких отъездов.

Да, так я обещала рассказать про Лидину философию в отношении к вранью. Она заимствовала её у своего отца, глубокого и интересного мыслителя, критика Владимира Яковлевича Барласа. Владимир Яковлевич, в частности, говорил: «Нельзя врать своим, врать из корысти и врать по мелочам». Его друг, критик Лесневский, написал ему на день рождения шуточный монолог как бы от его (В.Я.) лица под названием «Барласолог». Там были такие строчки: «И вот я вру только по-крупному, только чужим, и только бескорыстно». Лиду это всё очень веселило, но, без самой крайней нужды она неправды не говорила никогда и, поскольку в нашей жизни, не знаю, как сейчас, а тогда невозможно было иной раз сказать правду, она всякий раз это очень тяжело переживала.

Ещё случай. В середине 70-ых годов я была на лингвистической конференции в Киеве. Мы с моим сослуживцем Игорем Сидоровым пошли как-то после заседания в ботанический сад. Ходили-ходили, вдруг Игорь говорит: «Смотрите, дерево гинкго.» – «Какое-какое дерево?» – «Гинкго. Разве вы не знаете – дерево гинкго?» – «Нет.» – «Ну как же, мы в школе проходили, по ботанике.» – «Нет, говорю, не знаю. Наверное, я болела, когда проходили.» Игорь пытался мне объяснить, в чём его, гинкговая, реликтовость, состоит: что-то вроде того, что оно единственное оставшееся в живых голосеменное дерево, что бы это ни значило. (Ага, вот оно! Наконец-то я проявила предписанную мне Лидой «языковую сущность».) Но и в этом звуке для меня ничего не слилось и ничего не отозвалось. Почему-то это меня как-то задело: 30 с лишним лет прожила и не знала про дерево гинкго. А все остальные знают, что ли? Дай, думаю, проверю. Прилетаю из Киева в Москву, встречают меня в аэропорту Вентцели*: Саша и Аня – тогда третьеклассница.

– Саша, – спрашиваю я сразу же, – ты слышал когда-нибудь о дереве гинкго?

– А как же! У Гёте есть стихотворение *Gingo biloba*, где он предаётся по поводу раздвоенности листа гинкго философским рассуждениям:

Существо ли здесь живое
Разделилось пополам,
Иль, напротив, сразу двое
Предстают в единстве нам?

Аня сказала: «И я знаю. Я про него читала в книжке «Лес». Это дерево сажают, чтобы бороться с лесными пожарами. Оно с трудом загорается.»

Ну, что Аня знает про дерево гинкго, меня совсем доконало. На следующий день прихожу в ВИНТИ. Последняя моя надежда – Лида. А вдруг, начиная с моего года, из учебника ботаники выбросили дерево гинкго, и Лида про него тоже ничего не знает? Не тут-то было. «Как же, – сказала Лида, – конечно знаю. У меня про него диссертация!»

– ?!

– Дерево гинкго, несклоняемое существительное, оно есть у меня в списке, употребляется с классификатором. Ведь почти никогда не говорят «гинкго», а всегда – «дерево гинкго».

И правда...**

(Для филологов. Если кто интересуется насчёт этимологии (тем более, что я Лиде тогда всё это рассказывала и она оценила этот древесный сюжет), так Вентцель тогда же заглянул в японский словарь, а я – в *Webster's*.

Японско-русский словарь иероглифов, автор Н.И. Фельдман-Конрад:

Первый иероглиф в сочетаниях обычно читается ГИН и означает «серебро», второй в сочетаниях читается КЁ и означает «абрикос *андзу*». Слово ИТЁ в отношении произношения – двойное исключение, а значение его, исходя из составляющих частей – «серебряный абрикос».

Webster: *ginkgo* (также *gingko*, *gingo*) – от японского *ginkyo*.

То есть латинское ботаническое *Ginkgo biloba* – двойная ошибка! Сначала это японское слово, состоящее из двух иероглифов, кто-то, знающий японский язык не в совершенстве, неверно прочёл *ginkyo* вместо *icho*.

Потом при переписывании кто-то заменил букву *y* буквой *g*: *ginkgo*.)

Ещё про Лидино лингвистическое видение мира. Причём я хочу подчеркнуть, что я имею в виду не то, что у Лиды были какие-то шоры, и она ничего, кроме лингвистических вещей не замечала. Нет, замечала и очень много разного, и «роскошные плечи» (см. начало воспоминаний), но замечала и многое лингвистическое, что от других ускользало.

Летом 82 года мы на даче, на станции 42-ой км, по Казанке, поставили не больше не меньше, как «Горе от ума». Саша Вентцель был режиссёром, он поработал над текстом, и то, что осталось, занимало минут 15. Достаточно сказать, что Фамусов и Молчалин у нас не встречались (а зачем?), и их играл один и тот же мальчик. Анютина подружка Мариша, 12-ти лет, играла Лизаньку. Она пришла от спектакля в такой восторг, что, вернувшись в Москву, взяла «Горе от ума» и вычеркнула всё «лишнее». Аня (15 лет) играла Софью. Чацкого играл наш большой друг композитор Саша Вустин (40 лет). В спектакле были заняты все обитатели дачи и несколько гостей, все играли с энтузиазмом, но талант обнаружился только у Вустина-Чацкого. Впрочем, этого хватило. Мы приглашали всех друзей, но приехали немногие. Лидя с Валерой, как преданные друзья, приехали с другой ветки Казанки.

Спектакль прошёл с огромным успехом. Чацкий был очень неожиданный и совершенно неотразимый. Остальные не слишком ему мешали.

Подхожу к Лиде с Валерой (13 лет). Валере очень нравится. «Мама, – говорит она, – правда, у них спектакль как настоящий? Правда, они здорово играли?»

– Нет, говорит Лидя, – не как настоящий. Играли, в основном, так себе. Ты, – говорит она мне строго, – плохо играла. Но Чацкий ваш сделал бы честь любому столичному театру. Интересно, – произносит она задумчиво, – как это ему Наталья Дмитриевна (это её я плохо играла – А.Р.) сообщает «Я замужем.» А он хлопает себя по коленке и восклицает: «Давно бы вы сказали!» И делает такое ударение на «давно». Я и не представляла себе, что это можно так произнести. Я ведь недавно читала Валере «Горе от ума» вслух. Я, помню, эту фразу произносила ровно, не выделяя ничего специально. И таких мест много. Он очень интересно интерпретирует текст. Мне надо приехать в Москву и всё это посмотреть и отметить, пока я не забыла.

На все Лидины дни рождения я писала ей стихи. Она мне тоже – но у меня их нет под рукой, и я наизусть их не помню. Свои же некоторые вспоминаю и вижу, что все на лингвистические темы, в основном, на те, над которыми она работала.

Не бойтесь, целиком не буду приводить. Только некоторые кусочки.

На мотив «Сормовской-лирической», помните такую песню:

На Волге широкой,
На стрелке далёкой
Гудками кого-то зовёт пароход...

а кончалось так:

И скажет: немало
Я книжек читала,
Но нет ещё книги про нашу любовь...

Итак, на тот же мотив о Лиде:

Расставшийся с нами
Уже за морями
Лингвистов зовёт за собою Мельчук.
Кто в Вене, кто в Риме,
Кто в Ерусалиме –
Редеют ряды кандидатов наук.

И кончалось:

А вечером сонный
Звонок телефонный
Разбудит, лишь лягу уснуть на кровать.
И скажет мне Лида,
Какая обида,
Что мало глаголов на «нуть» и «овать».

Стихи на защиту Лидиной диссертации начинались:

Пока не требует лингвиста
К священной жертве Зализняк,

и дальше:

Но лишь двухвидовый глагол
До уха чуткого коснётся...

и т.д.

Помню, что какие-то прелестные и тоже «лингвистические» стихи написал тогда же Лиде Игорь Сидоров. Где-то они, наверное, есть сейчас.

Ну вот, рассказала я несколько забавных вещей, прежде чем сказать о серьёзном.

В 90 году Лида и Володя ездили в Израиль. Не помню, когда она начала учить иврит – до этого или сразу после. Вернулась Лида под очень большим впечатлением от огромной и древней культуры, которая, ведь, наши корни, а мы её не знаем. Отмахиваемся, не вникаем. И вот она стала в неё погружаться. Изучила иврит, читала Библию в подлиннике. Ну, предположим, таких людей немало. Но углубиться именно в лингвистические особенности текста, находить там то, чего никто до тебя не замечал, смотреть на эти тексты с точки зрения, с какой никто до тебя не смотрел – таких единицы. А чтобы под пятьдесят лет вдруг взять, круто изменить жизнь и сделать это своей профессией – это уже только Лида, наверно.

Когда 4-го июня мне в Новый Орлеан позвонил Шиханович и оглушил меня, я не знала, что делать. Если б я была там, рядом... А так ужас мой и тоска не находили никакого выхода. И когда я узнала, что похороны будут по еврейскому обряду, я решила, что пойду в синагогу и прочту кадиш. Пришла к раввину, поговорила с ним, он дал мне молитвенник на иврите и показал, где кадиш. Вентцель записал мне транскрипцию русскими буквами (позор, да?) и в первую же субботу я пошла в синагогу и прочитала по Лиде кадиш. Стало мне легче. Первый раз в жизни была я на службе в синагоге.

Когда я разговаривала с раввином, он спросил меня: «Что вы помните самого хорошего о вашей подруге?» Я сказала, что она вообще была очень хорошим и добрым человеком, но что особенно потрясло меня за последние месяцы, это то, что поздравляя меня с замужеством дочери, она написала мне,

что она так счастлива, что ей даже кажется, что если бы всё это произошло с её собственной дочкой, она не была бы более счастлива.

Обстоятельства замужества этого были, конечно, удивительны и потрясли моих близких. Когда мы с Анютой уезжали в Америку, пришли друзья нас проводить, и одна наша знакомая сказала: «Давайте выпьем за то, чтоб Анюта в Америке вышла замуж за миллионера.» Все закричали: «Выпьем, выпьем!» Но Анюта со стуком поставила стакан с клюквенным морсом на стол и сказала твёрдо: «Я за это пить не буду!»

Все растерялись, но другая моя подруга воскликнула: «Нет, нет, не за миллионера, за милого полиглота!» – «Что ж, – сказала Анюта, – за это я выпью.» Кстати, о лингвистической призме...

Потом мы уехали, ездили из штата в штат, Анюта училась то в одном университете, то в другом, но не то что друзей, а вообще просто поговорить по-человечески ей, кроме нас с Сашей, да двух-трёх человек – по телефону – не с кем было во всей Америке. И вдруг, в Новом Орлеане неизвестно как и почему встречается ей Бенджамин, который ни в коем случае не миллионер и, как говорит Шиханович, более того; но зато филолог; родной язык английский, но знает хорошо французский, иврит и русский, а похуже – испанский и немецкий. В общем, милый полиглот. Переводчик с русского на английский. В его переводе вышла в Америке «Теория прозы» Шкловского. Обожает великую русскую литературу и звуки русской речи. Всегда хотел жениться на русской девушке, с которой он мог бы обсуждать русскую литературу и вообще высокие материи, и чтоб она не требовала от него, как его родители, чтоб он занимался бизнесом. И вот они нашли друг друга и (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить) счастливы.

Все перипетии этого дела (и вообще нашей жизни) были Лиде знакомы: мы переписывались и говорили по телефону. Но многое я откладывала до встречи этим летом в Москве. В частности, можно себе представить, сколько у меня накопилось лингвистических впечатлений об Америке. Не последнее из них, когда продавец в русском магазине спросил, взвешивая колбасу: «Вам насладиться или писом?» Но никто в Москве не спросил меня ни о чём таком. И мне как-то не с руки было лезть со своими наблюдениями. Вообще близким не было интересно «про Америку». Про нас лично, про нашу жизнь – да, а лингвистические впечатления – есть вещи поважнее! Может это и так, но смотря для кого. Для Лиды было не так.

Бенджамин написал по-английски статью о русском глагольном виде. Я хотела показать её Лиде. Она бы прочла и сказала своё мнение. Не успела. А теперь я и представить не могу, кто бы захотел потратить на это время.

Он же спрашивал у нас, какая разница между «Я люблю мою комнату» и «Я люблю свою комнату». Мы говорили что-то насчёт того, что *свой* более нейтрально, а *мой* подчёркивает принадлежность. Но когда думаешь над такими вещами, приходят в голову какие-то мысли, которые хочется обсудить именно с Лидой – больше, чем с кем-либо другим. Я и это четко сейчас поняла.

И вот я привожу из Москвы плёнку с Лидиными песнями. Бенджамину очень нравится. Он анализирует филологически каждую песню. Я не уверена, что его анализ представляет общественный интерес, но Лиде было бы, конечно, любопытно. А Бенджамин занят строчкой «Хочу поделиться моим окном». Почему именно «моим»? Можно ли было бы сказать «своим окном»? Вентцель считает, что можно было бы, но мешает предшествующий слог «ся» в «поделиться»: «ся – св» плохо звучит. Ведь если бы не это, а например, так было: «Своим окном хочу я поделиться...» Нормально, правда? Даже что-то окуджавское слышится. Как вы считаете?

Что до меня, то я считаю, что Лида поделилась с нами своим окном (её окном), через которое она глядела на мир. Поделилась щедро: и статьями, и стихами, и песнями, и письмами, и разговорами. И мы должны всегда быть ей за это благодарны.

* муж и дочь

** Перечитала этот эпизод и поняла: расстроило меня моё невежество опять всё с той же лингвистической точки зрения. Не в том дело, что я ничего не знала о дереве «гинкго» – я не знала такого слова! А Лида – знала. (А.Р.)

Текст (с некоторыми сокращениями) опубликован в книге «Жизнь прекрасна и беспощадна В. Барлас – Л. Кнорина». Составитель Т. Барлас. М., «Готика», 1997, а также в журнале «Вестник» (Baltimore), No 18, 2002.